

ТОМАС НАГЕЛЬ

Моральная удача¹

Кант верил, что удачи и неудачи [good or bad luck] не должны влиять ни на нашу моральную оценку человека и его действий, ни на его моральную самооценку.

Добрая воля является доброй не в силу того, к чему она приводит или что она осуществляет, и не потому, что она адекватна достижению какой-то предлагаемой цели; она является доброй только в силу своего воления, т.е. она — добрая сама по себе. И саму по себе ее следует ставить несравнимо выше всего, что может быть посредством ее достигнуто ради какой-либо склонности или даже совокупности всех склонностей. Если бы даже по причине особо несчастной судьбы или скупости мачехи-природы эта воля совсем должна была лишиться силы выполнить свою задачу, и величайшие усилия не позволяли бы ей достичь ни одной из ее целей, и оставалась бы одна только добрая воля (не как простое желание, а как истребование всех средств, находящихся в нашей власти), она и тогда по праву сверкала бы подобно драгоценному камню, будучи тем, чья ценность целиком находится в нем самом.²

Предположительно, он сказал бы то же самое и о злой воле: достигает она своих целей или нет — не имеет отношения к морали [is morally irrelevant]. И образ действий, который был бы подвергнут осуждению, если бы имел дурные последствия [bad outcome], не может быть оправдан, если по счастливому стечению обстоятельств все обошлось. Не может быть морального риска. Эта точка зрения кажется ошибочной, но ее возникновение — реакция на фундаментальную проблему, касающуюся моральной ответственности, для которой у нас нет удовлетворительного решения.

¹ Перевод с английского Алексея Черняка по изданию Nagel Thomas. *Mortal Questions*. New York: Cambridge University Press, 1979. Ch. 3.

² *Foundations of the Metaphysics of Morals*. Русское издание: Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения. Т. 3. М., 1997. С. 61–63.

Эту проблему порождают обычные условия морального суждения. До всякой рефлексии интуитивно правдоподобно, что людей нельзя морально осуждать за то, в чем они не виноваты, или за то, что случилось благодаря факторам, которые они не контролируют. Такое суждение отличается от оценки чего-либо как хорошей или плохой вещи или хорошего или плохого положения дел. Оценка последнего вида может дополнять моральное суждение, но когда мы обвиняем кого-то за его действия, мы не просто говорим «плохо, что они имели место» или «плохо, что он существует»; мы судим *его*, говоря, что он плохой — а это отличается от его оценки как некой плохой вещи. Суждение этого вида относится только к объекту определенного вида. Не имея возможности объяснить в точности почему мы чувствуем, что уместность моральной оценки легко ставится под сомнение, если обнаруживается, что действие или атрибут (неважно, насколько хорошие или плохие) не подконтрольны субъекту. В то время как другие оценки сохраняют свои основания (footing), эта, похоже, его утрачивает. Таким образом, явное отсутствие контроля, производимое произвольным движением, физической силой или незнанием обстоятельств, освобождает то, что сделано, от вынесения по его поводу морального суждения. Но что мы делаем, зависит гораздо большим числом способов, чем эти, от того, что мы не контролируем, от того, говоря словами Канта, что не произведено доброй или злой волей. Причем внешние влияния из этого более широкого круга обычно не освобождают содеянное от вынесения морального суждения — будь то положительного или отрицательного.

Позвольте привести несколько примеров, начиная с того, который имел в виду Кант. Достигаем мы успеха или нет в том, что мы пытаемся сделать, почти всегда до некоторой степени зависит от факторов, которые мы не контролируем. Это верно в отношении почти любого морально значимого действия: убийства, альтруизма, революции, жертвы одними интересами ради других. Именно внешние факторы отчасти определяют, что было сделано и подлежит моральной оценке. Как бы ни была подобна драгоценности добрая воля сама по себе, есть морально значимое различие между спасением кого-либо из горящего дома и попыткой спасения, закончившейся падением спасаемого из окна двенадцатого этажа. Так же есть морально значимое различие между неосторожным вождением и убийством человека. Но собьет или не собьет неосторожный водитель пешехода, зависит от наличия пешехода в том месте, где неосторожный водитель проезжает на красный свет. Наши действия также ограничены предоставляемыми нам возможностями и решениями, которые нам приходится принимать, а они в значительной степени детерминированы не контролируемыми нами факторами. Тот, кто был офицером в концлагере, мог бы прожить спокойную и безвредную жизнь, если бы нацисты не пришли к власти в Германии. А тот, кто прожил спокойную и безвредную жизнь в Аргентине, мог бы стать офицером в концлагере, если бы не уехал из Германии по делам в 1930 году.

Я потом еще скажу кое-что об этих и других примерах. Я привел их здесь для того, чтобы проиллюстрировать общую мысль. Там, где важный аспект человеческого действия зависит от неконтролируемых им факторов, а мы продолжаем воспринимать его в этом отношении как объект морального суждения, можно говорить о моральной удаче и неудаче. И проблема, связанная с этим феноменом и подтолкнувшая Канта к отрицанию самой его возможности, состоит в том, что обозначенный здесь широкий круг внешних влияний при пристальном изучении, похоже, так же уверенно подрывает моральную оценку, как и более узкий круг знакомых нам извиняющих условий. Если условие контроля применять последовательно, оно угрожает эрозией большинству моральных оценок, которые мы считаем естественными. То, за что людей судят с моральной точки зрения, детерминировано неконтролируемыми людьми факторами в более широком масштабе, чем мы первоначально осознаем. И когда кажущееся естественным требование вины или ответственности применяется в свете этих фактов, оно оставляет неза тронутыми лишь немногие из моральных суждений, предшествующих рефлексии. Похоже, что человек в конечном счете не контролирует ничего или почти ничего из того, на что он направляет свои действия.

Тогда почему бы не заключить, что условие контроля ложно, что это все лишь правдоподобная на первый взгляд гипотеза, опровергаемая явными контрпримерами? В этом случае можно было бы поискать какое-нибудь более утонченное условие, которое выявляло бы те *виды* недостатка контроля, которые действительно подрывают определенные моральные суждения, но не вело к неприемлемому выводу о незаконности всех или большинства обычных моральных суждений, следующему из более общего условия.

Но мы имеем дело не с теоретическим предположением, а с философской проблемой: и это не позволяет прибегнуть к указанному решению. Условие контроля предлагается не просто как обобщение некоторых явных случаев; оно кажется *верным* и в других случаях, на которые оно распространяется и которые не принадлежат к исходному множеству. Подрывая моральную оценку посредством учета все новых разновидностей отсутствия контроля, мы не только открываем, что следовало бы из этого с точки зрения соответствующей общей гипотезы, но на самом деле убеждаемся, что отсутствие контроля само по себе существенно и для этих случаев тоже. Эрозия морального суждения возникает не как абсурдное следствие упрощенной теории, но как естественное следствие обычной идеи моральной оценки, если она применяется вкупе с более полным и точным рассмотрением фактов. Таким образом, из неприемлемости следствий ошибочно делать вывод о необходимости иного понимания условий моральной ответственности. Представление о парадоксальности моральной удаче — не *ошибка*, этическая или логическая, а осознание одного из путей, какими интуитивно приемлемые условия морального суждения грозят подорвать саму идею морального суждения.

Это напоминает ситуацию в другой сфере философии: теории познания. Там тоже условия, выглядящие совершенно естественными и вытекающие из обычных процедур критики и защиты претензий на выражение знания, будучи применены последовательно, угрожают подорвать все претензии такого рода. Наиболее весомые скептические аргументы отличается следующая особенность: они возникают не вследствие ограничения знания произвольно строгими стандартами, к которым приводит непонимание, но вследствие последовательного применения обычных стандартов³. И здесь тоже есть существенный параллелизм, так как эпистемологический скептицизм возникает из рассмотрения отношений, в которых наши верования и их связь с реальностью зависят от неконтролируемых нами факторов. Внешние и внутренние причины производят наши верования. Мы можем подвергнуть эти процессы тщательному исследованию, пытаясь избежать ошибки, но выводы, которые мы получим на этом уровне, также будут отчасти результатом влияний, которые мы непосредственно не контролируем. И это будет так, независимо от того, как далеко мы продвинемся в нашем исследовании. Наши верования всегда в конечном счете обязаны факторам, находящимся вне нашего контроля, и невозможность учесть эти факторы без того, чтобы отдаться на милость других подобных факторов, порождает в нас сомнение в том, что мы хоть что-то знаем. Похоже на то, что если какие-нибудь наши верования истинны, то это — результат чисто биологического везения, а не знания.

Моральная удача относится к тому же виду: ведь в то время как естественные объекты моральной оценки не подконтрольны нам в разных отношениях или испытывают разные влияния со стороны того, что мы не контролируем, мы не можем сконцентрироваться на этих фактах, не утратив нашу власть над моральными суждениями.

В общем, естественные объекты моральной оценки зависят от удачи четырьмя способами, вызывающими беспокойство. Один представляет собой феномен конститутивной удачи — что ты за человек, когда этот вопрос задается не просто как вопрос о том, что ты осознанно делаешь, но о том, каковы твои наклонности, способности и темперамент. Другая категория — удача, связанная с обстоятельствами — с какими проблемами и ситуациями сталкивается человек. Два другие способа имеют отношение к причинам и следствиям действий: это удача или неудача в том, как человек детерминирован предшествующими обстоятельствами, а также в том, чем оборачиваются индивидуальные действия и проекты. Все они выражают общую проблему. Всем им противостоит идея, согласно которой никто не может быть виновным в чем-либо или судимым за что-либо в большей степени, чем он может быть виновным в той части совершенного им, которую он контролирует. Кажется неразумным оправдывать или обвинять человека за то, что он не

³ См.: Thompson Clarke, "The Legacy of Skepticism", *Journal of Philosophy*, LXIX, no. 20, 1972, 754–69.

контролирует, или за влияние того, что он не контролирует, на результат, который он контролирует лишь частично. Такие вещи могут создать условия для действия, но осуждать или оправдывать это действие можно только в той мере, в какой оно выходит за рамки этих условий и не является простым их следствием.

Рассмотрим сначала удачу и неудачу на предмет того, каким оказывается результат действия. Кант в процитированном выше отрывке имел в виду один из примеров такого типа, но эта категория охватывает широкий круг примеров. Он включает и случай водителя грузовика, который случайно наехал на ребенка, художника, который оставил свою жену и пятерых детей ради того, чтобы посвятить себя целиком искусству⁴, равно как и другие случаи, с еще более неопределенными перспективами успеха и провала. Водитель, если он совсем не виноват, будет чувствовать себя ужасно в связи со своей ролью в произошедшем, но не обязан будет упрекать себя. Таким образом, этот пример сожалений, свойственных агенту (*agent-regret*)⁵, еще не является примером *моральной* неудачи. Но если водитель был виновен хотя бы в малейшей степени в небрежности (например, не проверил заранее исправность тормозов), то, если эта небрежность привела к гибели ребенка, он не просто будет ужасно себя чувствовать — он будет винить себя в этой гибели. Случаем же моральной неудачи делает этот пример то обстоятельство, что если бы он не оказался в ситуации, когда ему потребовалось резко ударить по тормозам, чтобы не сбить ребенка, то он бы оказался виновен только в весьма незначительной степени, а именно в небрежности самой по себе. Однако *небрежность* — одна и та же в обоих случаях, и водитель не властен над тем, окажется ребенок на его пути или нет.

То же самое верно и для случаев еще большей небрежности. Если кому-то пришлось слишком много выпить и его машина вырулила на обочину, он может считать себя морально везучим, если на его пути не встретилось пешеходов. Если бы они встретились, он был бы ви-

⁴ Такой случай, прототипом которого является жизнь Гогена, обсуждается Бернардом Вильямсом в работе 'Moral Luck', *Proceedings of the Aristotelian Society*, supplementary vol. L, 1976, II5 — 35. (Оригинальная версия данной статьи является ответом на это эссе.) Он указывает, что хотя успех или провал нельзя предсказать заранее, наиболее фундаментальные ретроспективные чувства Гогена по поводу принятого им решения будут определяться развитием его таланта. Мое разногласие с Вильямсом состоит в том, что его подход не может объяснить, почему такие ретроспективные установки можно называть моральными. Если успех не позволяет Гогену оправдаться перед другими, но при этом определяет его наиболее фундаментальные чувства, это лишь показывает, что наиболее фундаментальные чувства не обязаны быть моральными. Отсюда не видно, что мораль подвержена влиянию удачи и неудачи. Если бы ретроспективное суждение было моральным, оно предполагало бы истинность предварительно сделанного гипотетического суждения следующей формы: «Если я оставлю семью и стану великим художником, мой успех будет служить мне оправданием; если я не стану великим художником, мое действие не будет заслуживать снисхождения».

⁵ Термин Вильямса (там же).

новат в их смерти и, вероятно, понес бы наказание за убийство. Но если он никому не причинил вреда, хотя его беспечность была точно такой же, он виновен в куда меньшем нарушении закона и, конечно, будет упрекать себя и подвергаться чужим упрекам с гораздо меньшей суровостью. Возьмем другой юридический пример: наказание за попытку убийства меньшее по сравнению с наказанием за успешное убийство, независимо от того, насколько сходными могли быть намерения и мотивы нападавшего в обоих случаях. Степень его виновности, похоже, может зависеть от того, был ли на жертве пуленепробиваемый жилет или не встретила ли птица на пути пули — т.е. от обстоятельств, которые нападающий не контролирует.

Наконец, есть случаи решений, принимаемых в ситуации неуверенности — они распространены как в общественной, так и в частной жизни. Анна Каренина уходит с Вронским, Гоген оставляет свою семью, Чемберлен подписывает Мюнхенское соглашение, декабристы убеждают части, находящиеся под их командованием, восстать против царя, Американские колонии провозглашают свою независимость от Британии, вы знакомите друг с другом двух людей, надеясь устроить их личную жизнь. Есть искушение рассматривать все такого рода случаи следующим образом: они должны иметь решение, основанное на том, что известно на момент его принятия, причем такое решение избежит упреков, независимо от того, как все сложится. Но это не верно; когда некто действует подобным образом, он берет свою жизнь или свое моральное положение в свои руки, потому что то, как все повернется, определяет, что именно он сделал. Есть *еще* возможность доступа к решению, принимаемому с точки зрения того, что могло быть известно в момент его принятия; но это не конец истории. Если бы декабристы свергли Николая I в 1825 году и установили конституционный режим, они стали бы героями. На деле они не только потерпели поражение и поплатились за это, но и оказались до некоторой степени ответственными за жестокие наказания, определенные для войск, которые они убедили следовать за собой. Если бы американская революция захлебнулась в крови и привела бы к еще большим репрессиям, Джефферсон, Франклин и Вашингтон и в этом случае предприняли бы благородную попытку и даже могли бы не сожалеть о ней, идя на эшафот, но все же им пришлось бы винить себя за те беды, которые обрушились на их соотечественников не без их помощи. (А вдруг мирные усилия на пути реформ увенчались бы успехом?) Если бы Гитлер не захватил Европу и не истребил миллионы, а вместо этого умер бы от сердечного приступа после оккупации Судетской области, поступок Чемберлена в Мюнхене и тогда был бы в конечном счете предательством чехов, но он не стал бы той огромной моральной катастрофой, которая сделала его имя притчей во языцех.⁶

⁶ Восхитительное, но морально отталкивающее обсуждение темы оправдания историей см.: Maurice Merleau-Ponty, *Humanisme et Terreur* (Paris: Gallimard, 1947).

Во многих случаях трудного выбора результат нельзя предвидеть с определенностью. Одни оценки сделанного выбора заранее доступны, другие же должны ждать наступления результатов этого выбора, поскольку результат определяет, что именно было сделано. Одна и та же степень, в которой намерение, мотив или интерес заслуживают порицания или одобрения, совместима с широким кругом положительных или отрицательных суждений в зависимости от того, что произошло после принятия решения. *Mens rea*⁷, который мог бы существовать в отсутствие каких-либо последствий, не исчерпывает основания морального суждения. Действительные результаты влияют на признание виновным или заслуживающим уважения относительно широкого класса непрерываемо этических случаев — от небрежности, до политического выбора.

То, что это — подлинные моральные суждения, а не выражения текущего отношения, видно из того факта, что человек может заранее сказать, как моральный вердикт будет зависеть от результата. Если кто-то необдуманно оставил в ванной включенную воду, когда в ней находился маленький ребенок, он осознает, пока бежит обратно в ванную комнату, что если ребенок захлебнулся, то это он сделал нечто ужасное, тогда как если все обошлось, то он просто был беспечен. Тот, кто поднимает вооруженное восстание против авторитарного режима, знает, что если он потерпит неудачу, он будет ответственен за многие напрасные страдания, но если он победит, то будет оправдан достигнутым результатом. Я не хочу сказать, что *любое* действие может быть оправдано историей. Некоторые вещи настолько плохи сами по себе или настолько рискованны, что никакой результат не может их исправить. Тем не менее, когда моральное суждение зависит от результата, эта зависимость объективна, не подвластна времени и не зависит от изменений точки зрения, порожаемых успехом или неудачей. Суждение, выносимое по факту, следует из гипотетического суждения, которое может быть сделано заранее; и оно может быть так же легко сделано другим, как и самим агентом.

С точки зрения, которая делает ответственность зависящей от контроля, все это выглядит абсурдным. Как можно быть более или менее виновным в зависимости от того, попадет ли ребенок на пути машины или птица на пути пули, или нет? Возможно, верно, что то, что сделано, зависит не только от состояния сознания или намерения агента. Если так, то вопрос заключается в следующем: почему не неразумно основывать моральную оценку на том, что люди делают в этом широком смысле? Начнем с того, что это — то же самое, что считать их ответственными не только за тот вклад, который внесли они сами (если таковой имеется), но и за тот, который внесла судьба. Если посмотреть на случаи небрежности или попытки сделать что-то образцом, похоже, будет такое положение дел, при котором окончательная виновность [culpability] соответствует ментальной или интенциональной вине [fault] и се-

⁷ Преступный умысел.

результата. Случаи решения, принимаемого в отсутствие уверенности сложнее объяснить подобным образом, так как, кажется, что окончательное суждение может даже меняться с положительного на отрицательное в зависимости от результата. Но здесь тоже кажется разумным исключить последствия решения, которые были всего лишь возможными в момент его принятия, и сконцентрировать моральную оценку на самом решении в свете имеющихся вероятностей. Если объектом морального суждения является конкретный *человек* [the *person*], то считать его ответственным за то, что он сделал, в расширенном смысле сродни строгому обязательству, которое может иметь правовое применение, но выглядит иррациональным в качестве моральной позиции.

Результатом такой линии рассуждений является сокращение каждого действия до его морально существенного ядра — внутреннего акта чистой воли, определяемого мотивом и намерением. Адам Смит защищает такую позицию в книге «Теория нравственных чувств», но замечает, что она противоречит суждениям, которые мы выносим в действительности.

Но насколько бы мы ни казались убежденными в истинности этой справедливой максимы, рассматривая ее абстрактно указанным образом, все же когда мы переходим к конкретным случаям, реальные последствия любого действия имеют очень большое влияние на наши чувства, касающиеся его достоинств и недостатков, и почти всегда увеличивают или уменьшают наше чувство того и другого. Редко когда при тщательном рассмотрении наши чувства оказываются полностью регулируемы этим правилом, которое, как мы все знаем, должно их полностью регулировать.⁸

Также Джоэль Файнберг указывает, что ограничение сферы моральной ответственности внутренним миром не дает ей иммунитета от влияния удачи и неудачи. Факторы, которые агент не может контролировать, такие как приступ кашля, так же уверенно могут вмешаться в его решения, как они могут вмешаться в полет пули, выпущенной из его ружья.⁹ Тем не менее тенденция сократить объем моральной оценки широко распространена и не ограничивается только влиянием последствий. Она стремится изолировать волю, так сказать, с другой стороны, отделяя ее от конститутивной удачи. Рассмотрим это.

Кант был особенно настойчив в отношении моральной нерелевантности тех качеств характера и личности, которые не подконтрольны воле. Такие качества, как симпатия или холодность, могли бы служить условиями, при которых будет труднее или легче подчиняться требованиям морали, но они не могли бы быть сами объектами моральной оценки, хотя вполне способны мешать уверенной оценке ее подлинного объек-

⁸ Pt II, sect. 3, Introduction, para. 5.

⁹ “Problematic Responsibility in Law and Morals”, J. Feinberg, *Doing and Deserving*, Princeton: Princeton University Press, 1970.

та — детерминированности воли мотивом долга. Это исключает моральное суждение в отношении многих добродетелей и пороков, которые являются состояниями характера, влияющими на решение, но очевидно не исчерпываемыми диспозициями осознанно действовать определенным образом. Человек может быть жадным, завистливым, трусливым, бесчувственным, скупым, злым, самодовольным или тщеславным, но *вести себя* безупречно благодаря монументальному усилию воли. Иметь эти пороки, значит быть не в состоянии удержаться от того, чтобы не иметь определенные чувства при определенных обстоятельствах и сильные спонтанные побуждения поступать плохо. Даже если человек контролирует эти побуждения, он все равно имеет порок. Завистливый человек ненавидит, когда другие достигают большего успеха, чем он. Его можно морально осудить как завистливого, даже если он их сердечно поздравляет и не делает ничего, чтобы очернить или испортить их успех. Подобным образом самодовольство не нуждается в демонстрации. Оно есть в полной мере у того, кто не может не чувствовать тайное удовлетворение от превосходства своих достижений, талантов, красоты, ума или добродетели над чужими. До некоторой степени такое качество может быть результатом предшествующих решений; до некоторой степени его могут изменить текущие действия. Но в значительной мере оно обязано своим появлением конститутивной неудаче. И тем не менее людей морально осуждают за такие качества и ценят за другие, в равной степени неподконтрольные его воле: их оценивают за то, *какие* они.

Канту это кажется некогерентным, так как добродетель предписана всем, а, следовательно, должна быть в принципе доступна для каждого. Одним она может даваться легче, чем другим, но должна быть возможность достичь ее, принимая правильные решения, независимо от характера.¹⁰ Можно хотеть быть щедрым или сожалеть, что ты не такой, но не имеет смысла осуждать себя или кого-то другого за качество, которое неподконтрольно воле. Осуждение подразумевает, что ты не должен был бы быть таким, какой ты есть, а не сожаление по поводу того, что ты такой.

Тем не менее вывод Канта остается интуитивно неприемлемым. Его аргумент может убедить нас, что эти моральные суждения иррациональны, но, как только аргумент закончен, мы произвольно воспроизводим их. И так происходит повсеместно.

Третья категория, которую следует рассмотреть — удачные и неудачные обстоятельства, и я вкратце остановлюсь на ней. Вещи, которые

¹⁰ «Если природа вложила мало симпатии в сердце человека и если он, будучи человеком честным, по характеру своему холоден и безразличен к страданиям других — возможно, потому что одарен особыми качествами терпения и выдержки, наличия которых ожидает и даже требует от других (а такой человек, конечно, не является худшим творением природы), — разве он не найдет в себе оснований ценить себя куда больше, чем он мог бы, имея от природы хороший характер?» (*Foundations of the Metaphysics of Morals*, стр. 75 русского издания).

мы призваны делать, моральные тесты, с которыми мы сталкиваемся, в важном отношении обусловлены факторами, нам не подконтрольными. Некто, наверное, мог бы в опасной ситуации вести себя трусливо или героически, но если он никогда не попадал в опасную ситуацию, у него нет шанса гордиться собой или презирать себя по этому поводу, и его моральная репутация будет отличаться от той, которую он имел бы в том или другом случае.¹¹

Это хорошо видно, если обратиться к политике. Простые граждане нацистской Германии имели возможность героически противостоять режиму; но еще у них была возможность вести себя плохо, и большинство из них виновны в том, что не прошли это испытание. Но граждане других стран не подвергались такому испытанию, результатом чего является следующее: даже если бы они или некоторые из них вели себя так же плохо, как немцы в подобных обстоятельствах, в реальности они не вели себя так и, следовательно, не являются настолько же виновными. Здесь опять моральность человека отдана на милость судьбе; это может показаться иррациональным с точки зрения рефлексии, но наши повседневные моральные установки без этого непонятны. Мы судим людей за то, что им на самом деле удастся или не удастся сделать, а не только за то, что они сделали бы, если бы обстоятельства были другими.¹²

Эта форма моральной обусловленности действительным тоже парадоксальна, но она позволяет увидеть, как глубоко этот парадокс внедрен в понятие ответственности. Человек может быть морально ответ-

¹¹ Ср.: Thomas Gray, "Elegy Written in a Country Churchyard":

Some mute inglorious Milton here may rest,
Some Cromwell, guiltless of his country's blood.

(«Элегия, написанная во дворе сельской церкви»:
Здесь может отдохнуть немой безвестный Мильтон
И Кромвель, на котором крови нет его сограждан.)

Необычный пример морально удачных обстоятельств дает своего рода моральная дилемма, с которой кто-то может столкнуться не по своей вине, но которая не оставляет ему иного выбора, как поступить плохо. См. главу 5 и: B. Williams, "Ethical Consistency", *Proceedings of the Aristotelian Society*, supplementary vol. XXXIX, 1965, переизданная в: *Problems of the Self*, Cambridge: Cambridge University Press, 1973, pp. 166 – 86.

¹² Удачные и неудачные обстоятельства могут влиять не только на индивидуальное поведение, но и на другие аспекты ситуации. Например, во время Вьетнамской войны даже те граждане США, которые с самого начала решительно выступали против нее, чувствовали себя скомпрометированными преступлениями, совершенными их страной. За них они даже не несли ответственность; вероятно, они ничего не могли бы сделать, чтобы остановить ход событий, так что чувство соучастия может показаться непонятным. Но почти невозможно смотреть на преступления своей собственной страны так же, как смотрят на преступления чужой страны, независимо от того, в сколь равной мере в обоих случаях субъект не был властен остановить их. Он — гражданин одной из этих стран и связан с ее действиями (хотя бы даже только посредством налогов, которые нельзя не платить): этой связи с другими странами у него нет. Поэтому можно испытывать стыд за свою страну и чувствовать себя жертвой моральной неудачи быть американцем в 1960-е.

ственным только за то, что он делает; но что он делает в значительной мере определяется тем, чего он не делает; таким образом, он не несет моральной ответственности за то, за что он ответственен, а за что нет. (Это не противоречие, но парадокс.)

Должно быть понятно, что есть связь между этими проблемами, касающимися ответственности и контроля, и более знакомой проблемой свободы воли. Это — последний тип моральной удачи и неудачи, на который я хочу указать, хотя в рамках данной статьи я могу лишь обозначить ее связь с другими типами моральных удач и неудач.

Если факторы, которые человек не контролирует, не позволяют ему быть ответственным за последствия своих действий или за свойства характера, в силу которых он совершил эти действия и которые он не мог изменить усилием воли, или за обстоятельства, в которых приходится делать моральный выбор, то как он может быть ответственным даже за чистые акты самой воли, если и *они* — продукт предшествующих обстоятельств, не подконтрольных воле?

Сфера подлинного агентства и, следовательно, законного морального суждения, похоже, сжимается при таком анализе в точку. Все кажется результатом совместного влияния факторов, предшествующих действию и следующих из него, которые лежат вне контроля со стороны агента. Поскольку он не может отвечать за них, он не может отвечать за их результаты — хотя при этом не исключена возможность использовать эстетические или другие оценочные аналогии вытесненных таким образом моральных установок.

Еще, конечно, можно выкрутиться, начисто отказываясь принимать результаты, которые действительно выглядят неприемлемыми, едва мы перестаем думать об аргументах. По общему признанию, если бы некоторые окружающие обстоятельства были иными, то злое намерение не имело бы никаких несчастливых последствий и не было бы произведено никакого заслуживающего серьезного осуждения действия; но поскольку обстоятельства *не* были иными и агент *в действительности* успешно совершил особо жестокое убийство, он сделал именно *это*, и за это он несет ответственность. Подобным же образом мы можем признать, что если бы определенные предшествующие обстоятельства были другими, агент никогда не стал бы человеком, способным совершить такое; но поскольку он стал такой свиньей (вследствие неустранимого влияния этих предшествующих обстоятельств), человеком, совершившим такое убийство, он в *нем* виновен. В обоих случаях человек ответственен за то, что он в действительности делает — даже если то, что он в действительности делает, зависит важным образом от того, что он не контролирует. Это компатибилистское¹³ описание наших моральных

¹³ *Compatibilist* (от *compatibility*) — «совместимость»; имеется в виду, вероятно, точка зрения, при которой обычная идея ответственности и действительные основания моральных суждений совместимы. — *Прим. перев.*

суждений оставляет место для обычных условий ответственности — отсутствие принуждения, незнания или непроизвольного движения — как части определения того, что некто сделал; но оно не предусматривает исключение влияния многого такого, чего он не делал.¹⁴

Одно лишь плохо с этим решением — оно не способно объяснить, откуда берутся скептические вопросы. Ведь они происходят не из навязывания произвольно взятого внешнего требования, а из природы самого морального суждения. Что-то в обычной идее того, что человек делает, должно объяснить, как может казаться необходимым вычесть из этого действия все, что просто случается — даже несмотря на то, что, в конце концов, после такого вычитания ничего не остается. И что-то в обычной идее знания должно объяснить, почему кажется, что его должно ставить под сомнение любое не подконтрольное субъекту влияние на убеждение — так, что знание кажется невозможным, если не имеет невозможного основания в автономном разуме. Но оставим эпистемологию и сконцентрируемся на действии, характере и моральной оценке.

Проблема возникает, я убежден, потому, что действующему и являющемуся объектом морального суждения «Я» [self] угрожает растворение посредством поглощения его действий и побуждений классом событий. Моральное суждение, выносимое в отношении человека, есть суждение не о том, что с ним происходит, а о нем. Оно не говорит просто, что некоторое событие или положение дел счастливое или несчастливое, или даже ужасное. Это — не оценка состояния мира или индивида как части мира. Мы не просто думаем, что лучше было бы, если бы он был другим или не существовал, или не сделал то, что он сделал. Мы судим *его*, а не его существование или характеристики. В результате, пристальное внимание к влиянию того, что ответственное «Я» не контролирует, похоже, ведет к его растворению в ряду простых событий.

Но чем, мы думаем, должен *быть* человек, чтобы быть объектом этих моральных установок? В то время как понятие агентства может легко быть подорвано, очень трудно дать ему позитивное описание. Это известно из литературы, посвященной свободной воле.

Я верю, что в определенном смысле проблема не имеет решения, так как в самой идее агентства есть что-то, несовместимое с представлением о действиях как событиях или людях как вещах. Но по мере того как все более выявляются внешние детерминанты того, что некто делает, их влияние на последствия, характер и сам выбор, становится все более ясно, что действия суть события, а люди суть вещи. Не оста-

¹⁴ Соответствующая позиция в эпистемологии заключалась бы в утверждении, что знание составляют истинные убеждения, сформированные определенными способами, и что оно не требует, чтобы все аспекты их формирования были реально или потенциально под контролем познающего. Как правильность этих убеждений, так и процессы, в силу которых они получены, были бы, таким образом, в важном смысле подвержены влиянию удачи и неудачи.

ется фактически ничего, что можно было бы приписать ответственному «Я», и мы остаемся не с чем иным, как с частью более крупной последовательности событий, которую можно оплакивать или праздновать, но нельзя винить или восхвалять.

Хотя я не могу определить идею действующего «Я», которую подрывают приведенные соображения, можно сказать кое-что о ее источниках. Есть тесная связь между тем, что мы чувствуем в отношении нас самих, и тем, что мы чувствуем в отношении других. Вина и возмущение, стыд и презрение, гордость и восхищение суть внутренние и внешние стороны одних и тех же моральных установок. Мы не способны видеть себя просто частями мира, и у нас внутри есть очень приблизительная идея границы между тем, что есть мы и что есть все остальное, что мы делаем и что происходит с нами, что составляет нашу личность, а что является случайной помехой. Мы применяем такую же, существенно внутреннюю, концепцию самости к другим. Мы чувствуем гордость и стыд за себя, свою вину и угрызения совести, а также — сожаления, свойственные агенту. Мы не считаем наши действия и черты нашего характера простыми счастливыми или несчастными эпизодами, хотя они могут быть и ими. Мы не можем просто оценивать себя со стороны — что мы в сущности представляем собой и что мы делаем. И это остается истинным даже после того, как мы видим, что мы не ответственны за наше собственное существование или нашу природу, или решения, которые мы вынуждены принимать, или обстоятельства, в силу которых наши действия имеют те последствия, которые они имеют. Эти действия остаются нашими, и мы остаемся самими собой, несмотря на убедительность соображений, которые, кажется, разубеждают нас в нашем существовании.

Именно этот внутренний взгляд мы распространяем на других в моральном суждении — когда мы судим *их*, а не их желательность или полезность. Мы распространяем на других отказ ограничиваться внешней оценкой и приписываем им самости, подобные нашей собственной. Но в обоих случаях этот взгляд противостоит грубому включению людей и всего, что с ними связано, в мир, от которого они не могут быть отделены и по отношению к которому они не более, чем его содержания. Внешний взгляд навязывает нам себя в то же самое время, как мы сопротивляемся ему. В частности, это происходит путем последовательного устранения того, что мы делаем, посредством вычитания из него того, что просто случается.¹⁵

Включение последствий в понятие того, что мы сделали, есть признание себя частями мира, но парадоксальный характер моральной уда-

¹⁵ См. обсуждение П. Стросона конфликта между объектным отношением [objective attitude — отношение, при котором другой человек рассматривается как объект определенного действия, как «вещь», с которой обходятся определенным образом] и персонально-вовлеченным отношением [personal reactive attitudes — отношение, в которое мы вовлечены на уровне межличностных вза-

чи и неудачи, вырастающий из этого признания, показывает, что мы не способны работать с этим взглядом, так как он не оставляет никого из нас в числе сущего. Тот же результат обнаруживает представление, согласно которому детерминизм уничтожает ответственность. Как только мы видим какой-либо аспект того, что делаем мы или кто-то еще, как нечто, просто случающееся, мы утрачиваем нашу власть над идеей, что это было сделано и что мы можем судить того, кто это сделал, а не только само событие. Это объясняет, почему отсутствие детерминизма не более гостеприимно по отношению к понятию агентства, чем его наличие — на это часто обращали внимание. В обоих случаях действие рассматривается извне, как часть хода событий.

Проблему моральной удачи и неудачи нельзя понять без понимания внутренней концепции агентства и ее особой связи с моральными установками в противоположность ценностям других типов. У меня нет такого понимания. Степень, в которой проблема может быть решена, можно определить, только осознавая, является ли несовместимость между этой концепцией и различными способами, которыми мы не контролируем то, что мы делаем, в какой-либо степени лишь видимостью. Мне и в этом вопросе нечего предложить. Но не достаточно просто сказать, что наши фундаментальные моральные установки в отношении нас самих и других детерминированы тем, что есть в действительности; ведь им также угрожает и то, что является источником этой действительности, и — внешнее видение действия, которое навязывает нам себя, когда мы видим, как все, что мы делаем, принадлежит миру, который мы не создавали.

имоотношений, таких как гнев, любовь и т.д. — прим. ред.] в работе “Freedom and Resentment, *Proceedings of the British Academy*, 1962, переизданной в: *Studies in the Philosophy of Thought and Action*, ed. P. F. Strawson, London, Oxford University Press, 1968 и: P. F. Strawson, *Freedom and Resentment and Other Essays*, London: Methuen, 1974.